

Клуб надо оздоровить

Клуб фабрики «Красное эхо» призван обслуживать пятитысячный коллектив рабочих-текстильщиков. Двери клуба не закрыты и для многочисленного городского населения. Клуб имеет помещение, средства, инвентарь, руководителей-специалистов, словом, всё необходимое для того, чтобы клубная жизнь была полным ключом, чтобы человек, пришедший в клуб, мог найти там культурный отдых, развлечение, применительное своим способностям и желаниям.

Но клуб фабрики «Красное эхо» доведён до возмутительно безобразного состояния. Он превращён в рассадник бескультурья и пристанище пьяных и хулиганов. Он грязен, мрачен, неуютен и, как следствие этого, пуст.

Рабочие не хотят идти туда, зная, что кроме грязи и мерзости, вряд ли что найдётся там. Характерные факты подтверждают это. За 1937 год от постановки кинокартин клуб потерпел 9 тысяч рублей убытка, а от спектаклей иногородних трупп — 25 тысяч рублей.

Преступная бесхозяйственность, переходящая в злоупотребление и произвол, разгильдяйство, рвачество годами свивали и свивали себе в клубе прочное гнездо. Всякое отсутствие контроля и проверки ревизий открыли широкую возможность для хищений клубного имущества. Ведь за 12 неполных лет в клубе сменилось 98 заведующих, не меньше этого завхозов. Акты передачи инвентаря составлялись небрежно и никем не проверялись.

Заведующие назначались из непроверенных людей, а поэтому-то многие ценнейшие приобретения клуба, сделанные в разное время, исчезли из клуба неизвестно куда. Особенно печальна и в то же время возмутительна история со знамёнами. История с первым знаменем относится к давним временам. В фабкоме долгое время хранилось Красное знамя, с которым рабочие демонстрировали в 1917 году. И вот это знамя решили передать клубу, как историческую ценность, как священную и дорогую память. Клуб обязан был хранить знамя, как святыню, как зеницу ока. Но увы!.. Это Красное знамя бесследно исчезло из клуба. Когда, в какое время, никто ничего не знает, никто этого не проверял, никто этим не интересовался.

Другая история относится к недавнему времени. Было в клубе ещё знамя, из дорогой материи, красиво вышитое. И вдруг обнаружили, что одна сторона этого знамени чьей-то, очевидно, вражеской рукой спорота и унесена. И никто этому не придавал значения, никто не расследовал этого дела, не наказал виновников, хотя об этом все знают, и фабком, и клубные администраторы, и вся общественность фабрики.

В 1937 году в клубе было 6 патефонов. Сейчас в клубе один патефон — седьмой, приобретённый совсем недавно. Где остальные, неизвестно. От 8 миллиардов также не осталось ни одного. Говорят, что они, ободранные и сломанные, валяются где-то в подвале. Исчезли из клуба ковры, исчезла красная материя, часть музыкальных инструментов.

Насколько небрежное отношение к клубному добру, говорит и такой факт. В начале февраля для струнного оркестра на большую сумму закуплен инструмент. До сих пор завхоз Большаков не удосужился принять его.

Впрочем, о завхозе Большакове, о всех его безобразиях речь должна идти особо. Большаков это воплощение бесхозяйственности, рвачества и лени. Большаков это такой завхоз, у которого в зрительном зале нет ни одного исправного стула, у которого текут переполненные уборные, у которого грязь в фойе и который, получая деньги, ничего по своей работе не делает. На днях Большаков представил незаконный счёт на 70 рублей за поделку им декораций, который фабком отказался оплачивать как не соответствующий действительности. Большаков хотел также получить 50 рублей за то, что он вместе с другим столяром починил у рояли ножки. Большаков

не раз появлялся на работе пьяным, а заведующий клубом Румянцев, очевидно, просто этого не замечал.

Тов. Румянцев только однажды выступил в качестве поборника пьянки, объявив выговор руководителю духового оркестра. Но умышленно или неумышленно он не видит, что творится кругом. Пьёт завхоз, пьют истопники, в пьяном виде приходят на занятия кружковцы. И всё это проходит мимо Румянцева, сжившегося со всей этой грязью и пьянством, мимо фабкома, который до сих пор не создал ни правления клуба, ни культсовета, и, по сути дела, не руководит клубом.

А как безобразно в клубе обслуживают зрителя. На постановках, на концертах зритель обязан сидеть в шубе, в жаре и духоте. Раздевалки нет. Однако, когда был лыжный пробег, так клубные работники, чтоб не ударить в грязь лицом перед московскими гостями, и порядок, и чистоту навели, и даже приличную раздевалку устроили. А для своих рабочих, своих зрителей сделать этого не хотят.

Безобразий в клубе не счесть. Нужно им положить конец. Нужно создать кадры постоянного здорового актива, привлечь к работе клуба стахановцев, использовать всё многообразие форм и методов клубной работы и средства, отпущенные на неё, и превратить клуб в настоящее культурное учреждение, в место отдыха рабочих, достойное краснознамённой фабрике.